

*Т.В. Лебедевская, аспирант кафедры культуры речи
и межкультурных коммуникаций БГПУ*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ С ПОМОЩЬЮ ПСИХОГЛОСС¹

Современная наука выбирает в качестве объекта исследования человека, его язык, мышление, сознание, способности, ценности, установки, поэтому антропоцентрическая научная парадигма является определяющей и в лингвистических изысканиях. Языковая личность – далеко не новый термин для языкознания, из него вытекает еще одно очень тесно связанное с ним понятие – «психоглосса». Термин «психоглосса» намного расширяет границы исследования языковой личности. Ю.Н. Караулов, стоящий у истоков данного термина, определяет психоглоссу как «единицу языкового сознания, отражающую определенную черту языкового строя или системы родного языка, которая обладает высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью ко времени, то есть интегрирует свойства изоглоссы и хроноглоссы на уровне языковой личности» [1, с. 157–158]. Рассмотрение входящих в данную научную единицу компонентов позволяет понимать под этим термином степень и границу освоения языковой личностью каждого уровня языка – фонетико-интонационного, лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического, что дает основание для соответствующей классификации. Каждый тип психоглоссы включает в себя черты, присущие соответствующему уровню языковой системы, а также выполняет определенную функцию в характеристике языковой личности: фонетико-интонационная психоглосса дает первоначальное представление о человеке; лексическая характеризует лексикон языковой личности, его активный и пассивный словарный запас; словообразовательная и морфологическая выявляют степень креативности личности; синтаксическая указывает на тип прозы, свойственный человеку, помогает выявить специфику его синтаксического строя. Описание различных типов психоглоссы в их совокупности дает возможность реконструировать об-

раз человека по данным языка, проникнуть вглубь его языкового сознания.

Цель данной статьи – определить специфику языковой личности через призму психоглоссы, опираясь на тексты литературных героев в художественном произведении. Ю.Н. Караулов замечает, что условность анализа «состоит в том, что нам придется на время отвлечься от личности самого писателя, “забыть” автора, действительного “отправителя” всего текста» [1, с. 71–72]. Следовательно, мы будем подходить к художественному образу как к реальному лицу, то есть как к «факту» [1, с. 72]. Таким образом, опираясь на работу Ю.Н. Караулова, «вопрос, который мы хотим рассмотреть, формулируется таким образом: возможно ли, а если возможно, то как, воссоздав из текстов, принадлежащих данному персонажу в данном литературном произведении, характеристику его языковой личности, прийти в итоге к раскрытию и пониманию всего многосложного художественного образа, в основе которого лежит духовный мир этой личности?» [1, с. 71]. Метод психоглоссы дает возможность достаточно целостно охарактеризовать литературного героя как индивидуальную языковую личность и кроме того выявить национально-культурную специфику русской языковой личности, проявляющуюся в психоглоссах.

Рассмотрим психоглоссы языковых личностей персонажей на примере помещиков в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». К сожалению, в одной статье не представляется возможным рассмотреть подробно все психоглоссы персонажей, поэтому акцент будет сделан на наиболее ярко выраженных. «Мертвые души» – произведение, над замыслом которого размышляли и размышляют многие литературные критики (В.Г. Белинский [2], К.С. Аксаков [3], В.Ф. Переверзев [4], Ю.В. Манн [5] и др.). Стиль Гоголя, язык его произведений, система художественных образов и на сегодняшний день вызывают большой интерес у исследователей. Продолжая линию, начатую В.Г. Белинским [2], К.С. Аксаковым [3], мы также считаем, что Гоголь мастерски изобразил живые характеры, не скрывая всего присущего им уродства. Автор наделил своих героев неповторимым языком,

¹ Выбор названия был продиктован статьей Ю.Н. Караулова «Из опыта реконструкции языковой личности» (Литература. Язык. Культура. М., 1986.).

насытил их речь спецификой, индивидуализировал ее. Гоголь очень умело использовал языковой материал в качестве средства социальной и психологической характеристики персонажа. «Речь гоголевских персонажей – неотъемлемая грань их характера, их духовного склада» [6, с. 92]. Кроме того, мотив «опустошенности, неподвижности, мертвенности человека» [5, с. 280] является определяющим в характеристике психоглосс героев: мертвым, неживым становится и слово у помещиков. «Как ни ярка вся реалистическая картина, которую рисует Гоголь, но это только внешняя оболочка, за которой встает сложная тема о человеческой душе» [7, с. 195]. И.П. Щерблякин считает, что основная нить повествования в поэме «связана с показом процессов духовного омертвления личности, когда она лишается нравственных, завещанных Христом, ориентиров или подчиняет себя какой-либо одной, доведенной до крайности страсти» [8].

Гоголь выстраивает характеры помещиков по степени «омертвления» и «опошления» их душ, каждый из персонажей как будто подготавливает читателя к дальнейшему восприятию художественных образов поэмы. Немаловажную роль в этом играют различные типы психоглосс героев. Их анализ, наряду с индивидуальными характеристиками, выявляет то общее, что присуще всем помещикам вместе с Чичиковым, который венчает галерею мертвых душ.

Каждая глава поэмы строится по одному принципу: приезд Чичикова, сцена купли-продажи мертвых душ, его отъезд. Первым Чичиков навещает помещика Манилова. В.В. Виноградов, стоящий у истоков анализа языка писателя, отмечает, что одним из излюбленных приемов Гоголя выступает каламбур, цель которого показать комическое несоответствие [9, с. 241]. Так, деревня Маниловка не может заманить, все детали в ней говорят о бесхозяйственности помещика: *Деревня Маниловка не многих могла заманить своим местоположением* [10, с. 357]. Образ Манилова статичен на протяжении всего произведения, о его прошлом читателю ничего не известно, перед нами закончившая свое развитие личность. «Отличительная особенность Манилова – неопределенность его характера» [6, с. 25], кроме того, это свойство характера подчеркивается с помощью цветовой гаммы – вокруг героя все какого-то серого, неясно голубого цвета.

Автор поэмы описывает следующим образом впечатление от общения с Маниловым: *В первую минуту разговора с ним не можешь*

не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую затем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает что такое!» – и отойдешь подальше... [10, с. 358]. Гоголь неоднократно характеризует фонетико-интонационную психоглоссу Манилова, акцентируя внимание на прищуренных глазах и улыбке героя: *прервал Манилов с такою же приятною улыбкою* [10, с. 361]; *присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем* [10, с. 361]; *Помещик Манилов, еще вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар, и щуривший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти* [10, с. 353]. Улыбка героя всегда очень приятная, она выражает довольство собой и своими речами. Описание глаз – излюбленный прием у Гоголя, но глаза Манилова, как и других помещиков, никак не обозначаются, что еще раз подчеркивает бездуховность, омертвление, душевную убогость героев. Кроме того, фонетико-интонационная психоглосса Манилова также несет черты безличности, об этой черте гоголевских персонажей писал Ю.В. Манн [5].

Манилов стремится обольстить своего собеседника не только приятным разговором, но и приятным во всех отношениях выражением лица. Отсюда его желание сделать свою речь утонченной и изысканной, усладить ее приторно-елейными оборотами: *В оборотах самых тонких и приятных он рассказал, как летел обнять Павла Ивановича; речь была заключена таким комплиментом, какой разве только приличен одной девице, с которой идут танцевать* [10, с. 451]. В то же самое время автор подчеркивает немногословность героя, указывая на его постоянную задумчивость, даже мечтательность: *Дома он говорил очень мало и большею частью размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве богу было известно* [10, с. 359]. Синонимы **размышлять** и **думать** в характеристике Манилова предстают как разные процессы, плеоназмы становятся средством иронической характеристики персонажей, по словам Д.П. Холбаевой [11].

Приезд Чичикова вызывает в герое бурю эмоций, находящих отражение на его лице: *По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более* [10, с. 357–358]; *...глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение* [10, с. 359]. Следовательно, первичное представление о языковой личности Манило-

ва дает характеристика фонетико-интонационной психоглоссы: «слащавая», елейная интонация с налетом пошлости – вот ее основные черты: ...черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства [10, с. 358]. Предложение Чичикова купить мертвых крестьян даже не заставляет Манилова задуматься над тем, что за каждым проданным человеком стоит душа, перед читателем снова позерство: *Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела* [10, с. 368]. Для него умершие души «в некотором роде совершенная дрянь» [10, с. 368].

Самую важную деталь в характеристике лексической психоглоссы Манилова находим в авторской речи: *От него не дождешься ни-какого живого (курсив наш – Т. Л.) или хотя даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета* [10, с. 358]. После разговора с ним «почувствуешь скуку **смертельную**» [10, с. 358].

Анализ показывает, насколько трудно герою связно, логично, понятно и доступно выражать свои мысли. Его речь изобилует словами-паразитами, самыми частотными из которых являются обороты «да, недурно», «в некотором роде», «так сказать», «какую-нибудь этакую», «этак», неопределенными местоимениями и наречиями: *этакое, какой-нибудь, какое-то*, свидетельствующие о присутствии ему пустословия и лицемерии. Зачастую мысль, которую он пытается вложить в свое высказывание, абсолютно неясна. Так, фраза «*Конечно, – продолжал Манилов, – другое дело, если бы средство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелить душу, дало бы, так сказать, паренье этакое...*» [10, с. 362] позволяет только догадываться о том, что имеет в виду гоголевский персонаж. Герой насыщает свою речь эвфемизмами, витиеватыми выражениями: *Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция, – так не будет ли эта негоция несоот-*

ветствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России? [10, с. 368]; *Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование?* [10, с. 368]; тавтологиями: *Позвольте вам этого не позволить, – сказал Манилов с улыбкою* [10, с. 365]. Характеристика лексической психоглоссы подтверждает вывод о пустоте героя, его косности, неразвитости, стремлении заниматься пустым философствованием.

Анализ словообразовательной психоглоссы говорит о том, что в речи Манилова преобладают суперлативы и уменьшительные формы: *предпочтеннейший и прелюбезнейший человек, Душечка, Лизанька* и др. Частотное употребление уменьшительных форм слов свидетельствует о желании расположить к себе собеседника, показать себя приятным, милым, предпочтеннейшим и прелюбезнейшим человеком. Словообразовательная психоглосса соответствует фонетико-интонационной, их характеристики полностью совпадают: *...говорил трогательно-нежным голосом, выразившим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек»* [10, с. 359].

Синтаксическая психоглосса призвана отразить сцепление мыслей, последовательность протекания мыслительных процессов. Приведем в качестве примера одну фразу Манилова: *Уж такое, право, доставили наслаждение... майский день... именины сердца* [10, с. 361]. Перед нами ярко выраженный ассоциативный тип прозы, без логических связей, с ассоциативным рядом «наслаждение – майский день – именины сердца». Это еще раз доказывает, насколько трудно герою выражать свои мысли. Таким образом, Манилов представляет собой нечто кукольное, серое, размытое и совершенно не поддающееся определенной характеристике.

Коробочка, стоящая еще ниже на ступени человеческого развития, продолжает ряд мертвых душ. Фонетико-интонационная, лексическая, морфологическая, словообразовательная, синтаксическая психоглоссы Коробочки передают особенности и ритмико-интонационный склад народной женской речи. Коробочка – «одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки»: *Ох, батюшка, осьмнадцать человек! – сказала старуха, вздохнувши. – И умер такой все славный народ, все работники. После того, правда, народилось, да что в них: все такая мелюзга; а заседатель подъехал – подать, говорит, уплачивать с души* [10, с. 379]. Лексическая психоглосса Коробочки насыщена

различными народными присловьями, например: *Святители, какие страсти!* [10, с. 376], *...да пропади и околеи со всей вашей*. Анализ показывает, что в активном словаре рассматриваемой языковой личности ядро составляет просторечная лексика: *славно загибают, применюсь к ценам, маненько*. Глаголы *не слыхивала, дельвали, народилось* указывают на особенность словообразовательной психоглоссы Коробочки: использование форм с суффиксами многократности *-ива-* (*-ыва-*), с приставкой *на-*, придающей словам оттенок просторечности. Морфологическая психоглосса Коробочки сохранила черты старославянского склонения: *по сту рублей каждую, не понести убытку*. Морфологические особенности напрямую связаны с особенностями управления и согласования: *третьего года, третьего дня; у меня о святках и свиное сало будет* [10, с. 385].

При рассмотрении синтаксического строя речи Коробочки было выявлено, что самыми частотными аппеллятивами являются *отец мой, батюшка*. Использование данных слов в качестве обращений говорит о патриархальности семейного уклада. Для синтаксической психоглоссы Коробочки характерно наличие восклицательных и вопросительных предложений, объединенных в одно целое разговорно-просторечной интонацией. Хотя Чичиков и ведет с ними деловые беседы, однако официально-делового тона разговора читатель не чувствует: *Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи! где так изволил залиться?* [10, с. 376].

Следует заметить, что Коробочка, представительница слабого пола, оказывается очень несговорчивой в сцене покупки мертвых душ. Старушка, все время уповающая на бога (*бог приберег от такой беды* [10, с. 379]), совершенно забывает о нем, когда дело касается денег. Для нее продажа мертвых душ – не какое-нибудь абсурдное дело, а что-то совершенно новое, неизвестное: *Ведь я мертвых никогда не продавала* [10, с. 380]; *Право, отец мой, никогда еще не случалось продавать мне покойников* [10, с. 379]. Вспоминая об умерших крестьянах, Коробочка очень напоминает Собакевича, который так же, как и помещица, старается набить цену своему товару: *И умер все славный народ, все работники. Народ мертвый, а плати, как за живого* [10, с. 379]. Старуха, охваченная жадностью, приводит нелепые доводы, стараясь «нажиться» на смерти других людей: *А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся...* – возразила старуха, да и не кончила речи, открыла рот и смотрела на него

почти со страхом, желая знать, что он на это скажет [10, с. 382]; *Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытку* [8, с. 381]. «Твердолобая» Коробочка абсолютно не понимает, зачем Чичикову понадобились мертвые души: *Да на что ж они тебе?* – сказала старуха, выпучив на него глаза [10, с. 380]. Ее тугодумство и несговорчивость вводят Чичикова в состояние гнева и негодования, и лишь упоминание нечистой силы и возможность продать еще и хозяйственные товары заставляет старуху смягчиться: *Ах, какие ты забранки пригинаешь!* – сказала старуха, глядя на него со страхом [10, с. 382]. Из этого можно сделать вывод о безжизненности, пошлости, примитивизме, скудоумии, трусости героини. Старуха, как автомат, повторяет фразы за Чичиковым. Она так же, как и Манилов, продает человеческие души, словно орехи или мед.

Единственным, кто не продал Чичикову мертвые души, является Ноздрев, у которого главный герой, на самом деле, и не хотел ничего покупать. Такие фигуры, как Ноздрев, всегда появляются в самое неподходящее время, о таких типах Гоголь пишет, что они *«любят приврать и без всякой причины “подгадить” человеку»* (курсив наш – Т. Л.). Ноздрев выступает в поэме как инвариант самого Чичикова, и это подтверждают диалоги героев. Реплики персонажей постоянно переключаются.

Характеристики фонетико-интонационной психоглоссы Ноздрева, в свою очередь, немногочисленны, они указывают на позерство и шутовство, присущие персонажу. Герой очень рад встрече с Чичиковым, так как знакомство с ним – новое развлечение, и это подтверждает жест, сопровождающий его приветствие – расставленные руки: – Ба, ба, ба! – *вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова*. – Какими судьбами? [10, с. 390]. «Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный» [10, с. 395] – так пишет о Ноздреве Гоголь. Это тот тип людей, которые любят «развернуться», «сделать безграничность своей» [12, с. 289], ведь и лес, и все, что за лесом, по словам Ноздрева, принадлежит ему.

В лексической психоглоссе Ноздрева в продолжение мотива омертвения и опошления, цинизма человека появляется большое количество слов, относящихся к жаргонной, разговорно-просторечной и бранной лексике: *свинтус ты за это, такая дрянь*. Так как Ноздрев – игрок, то, конечно, находим карточные обороты: *продулся в пух, убухал четырех рысаков, все спустил, не посадил бы*. Когда

речь идет о собаках, то Ноздрев преображается, начинает использовать метафоры и сравнения: – *Ну купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает! брудастая, с усами, шерсть стоит вверх, как щетина. Бочковатость ребр уму непостижимая, лапа вся в комке, земли не заденет* [10, с. 403].

Герой активно использует фразеологизмы: *тресну со смеху!* [10, с. 392]; *духом домчимся* [10, с. 394]; *Голову ставлю, что врешь!* [10, с. 402]; *Вот говорит пословица: «Для друга семь верст не околица!»* [10, с. 510]. Кроме того, в речи Ноздрева частотны обращения к черту: *Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!* [10, с. 400]; *Ей-богу! да пребольно! Проснулся: черт возьми, в самом деле что-то почесывается, – верно, ведьмы блохи* [10, с. 406]. Ноздрев также создает новые словесные обороты: *ври ей челуху* [10, с. 400]; *рюши на ней, и трюши, и черт знает чего не было...* [10, с. 392]. Таким образом, если Манилов напоминает кота, то в натуре Ноздрева много бесовского, он похож на главного пса среди собачьего семейства.

Кроме того, Ноздрев активно придумывает новые слова, причем с оттенком грубости и пошлости, в этом заключается специфика словообразовательной психоглоссы. Например: *свинтус: Право, свинтус ты за это, скотовод эдакой!* [10, с. 391]; *жидомор: Да ведь ты жизни не будешь рад, когда приедешь к нему, это просто жидомор!..* [10, с. 392]; *субдительной сюперфлю: ...у которой ручки, по словам его, были самой субдительной сюперфлю, – слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства* [10, с. 399]; *бургоньон и шампильон: Потом Ноздрев велел еще принести какую-то особенную бутылку, которая, по словам его, была и бургоньон и шампильон вместе* [10, с. 399]; *растепелей: Смерть не люблю растепелей!* [10, с. 400]. В некоторых окказионализмах угадывается смысл: по-латыни Ноздрев произносит *свинтус*, на французский манер – *шампильон*, в слове *жидомор* первый корень *жид-* говорит о приписываемой героем жадности, но о смысле таких выражений, как *субдительной сюперфлю*, *растепелей* мы узнаем из комментариев автора или из контекста. Словообразовательная психоглосса свидетельствует о креативных способностях героя. О карточных играх, своем любимом детище, Ноздрев говорит, используя уменьшительные суффиксы: *Этот, братец, и в гальбик, и в банчишку, и во все что хочешь* [10, с. 391].

Морфологическая психоглосса Ноздрева отмечена следующей особенностью: самым

частотным междометием в речи героя является слово *ей-богу*, которым герой стремится подчеркнуть достоверность, истинность, искренность своих вербальных посылов: *И не просадил бы! ей-богу, не просадил бы! Не сделай я сам глупость, право, не просадил бы* [10, с. 390]. Кроме того, важной чертой языковой личности Ноздрева является активное использование просторечных слов и выражений, об этом свидетельствует частотное употребление различных частиц: *Ни, ни, ни! И не думай* [10, с. 394].

В анализе синтаксической психоглоссы следует выделить наименования, используемые Ноздревым при обращении к Чичикову, – апеллятив *брат* и его вариант (*братец*), *душа: Поцелуй меня, душа, смерть люблю тебя!* [10, с. 391]; *Послушай, братец: ну к черту Собакевича, поедем ко мне! каким балыком попотчую! Ах, брат, вот позабыл тебе сказать...* [10, с. 392]. Чичиков для Ноздрева не только *брат* и *душа*, но еще и *фетюк, подлец, дрянь, шильник, печник гадкий: Черта лысого получишь! хотел, было, даром, хотел отдать, но теперь вот не получишь же! Хоть три царства давай, не отдам! Такой шильник, печник гадкий!* [10, с. 405]; *Продать! Да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец, ведь ты дорого не дашь за них?* [10, с. 402]. Наиболее частотной лексемой является *брат*, поскольку Ноздрев видит в Чичикове родственную душу, такую же мертвую, как и его: *Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе! Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве* [10, с. 402]; *С тобой никак нельзя говорить как с человеком близким... никакого прямодушия, ни искренности! совершенный Собакевич, такой подлец!* [10, с. 404–405]. Таким образом, Ноздрев, совершенно точно называющий черты своего характера, приписывает их Собакевичу и Чичикову.

Синтаксическая психоглосса передает напористость, сумасбродность, наглость героя, о чем свидетельствует обилие вопросительно-восклицательных предложений: *Ну врешь! врешь! – закричал опять Ноздрев* [10, с. 402]; *Экое счастье! экое счастье! вон: так и колотит! вот та проклятая девятка, на которой я все просадил!* [10, с. 404]. Лгун по призванию, Ноздрев активно включает в свою речь вводные обороты: *поверишь ли, веришь ли*. Маркерами, характеризующими Ноздрева, выступают пустая болтовня, лганье, наглость и беспринципность.

Рассмотрим психоглоссы Собакевича. Фабула героя символизирует нечто громадное

и безобразное, намекая на его животную сущность. По словам автора, «душа у Собакевича, казалось, закрыта такою толстою скорлупой, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности» [10, с. 419–420]. Неотесанность Собакевича – ядро его речи и поведения, сопровождающего диалог: *Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прошу», – шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу* [10, с. 353]. Фонетико-интонационная психоглосса героя характеризуется отрывистостью, категоричностью: *увидя гостя, он сказал отрывисто* [10, с. 414], *хладнокровностью, сухостью: Мошенник! – сказал Собакевич очень хладнокровно, – продаст, обманет, еще и пообедает с вами!* [10, с. 416–417]. Герой «редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь» [10, с. 415], так как ему не было никакого дела до собеседника, до его внутреннего мира. Собакевич не стремится расположить собеседника к себе, как это делает Манилов. В тексте встречаем сравнение фонетико-интонационной психоглоссы Собакевича и Манилова: *лицо Собакевича не шевельнулось, а Манилов, обвороженный фразою, от удовольствия только потряхивал одобрительно головою, погружаясь в такое положение, в каком находится любитель музыки, когда певица перецеголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая невмочь и птичьему горлу* [10, с. 456]. «Подчеркнутое отсутствие выражения на лице часто является нормальным состоянием многих героев поэмы, по крайней мере, в первом томе...» [11, с. 80–81].

Фонетико-интонационная особенность Собакевича – ворчание, похожее на лай собаки. Герой, при всем благополучии, не очень доволен жизнью, ему чего-то не хватает для полного счастья. Например, Собакевичу неприятно, что он никогда не болел: *Вы посудите, Иван Григорьевич: пятый десяток живу, ни разу не был болен; хоть бы горло заболело, веред или чирей выскочил... Нет, не к добру!* [10, с. 455]. Его жизнь представляется ему самому «так как-то себе». И тут же Гоголь добавляет: *И точно, не на что было жаловаться: скорее железо могло простудиться и кашлянуть, чем этот на диво сформированный помещик* [10, с. 455].

Следует отметить особое мастерство Гоголя в создании диалогов, в которых идет речь о покупке мертвых душ, где ярко проявляется цинизм, торговая хватка Собакевича: *Вам нужно мертвых душ? – спросил Собакевич*

очень просто, без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе [10, с. 420]. Помещик умеет набить цену товару (хоть и мертвому), приводя различные аргументы: *Да чего вы скупитесь? – сказал Собакевич. – Право, недорого! Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души, а у меня что ядерный орех...* [10, с. 421]. Автор ярко характеризует фонетико-интонационную психоглоссу героя, охваченного жадной наживой: *...но Собакевич вошел, как говорится, в самую силу речи, откуда взялась рысь и дар слова* [10, с. 421]; *...но Собакевича, как видно, пронесло: полились такие потоки речей, что только нужно было слушать...* [10, с. 421]. Кроме того, Собакевич – прекрасный актер. Когда председатель спросил помещика, зачем он продал крестьян, Собакевич отвечал, махнув рукой: *А! так просто, нашла дурь: дай, говорю, продам, да и продал сдуру! – Засим он повесил голову так, как будто сам раскаивался в этом деле, и прибавил: – Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума* [10, с. 457]. Он очень хитер и осмотрителен. Сцена продажи мертвых душ описывается Гоголем словно представление в театре.

В лексической психоглоссе Собакевича преобладают бранные, вульгарные слова, грубо-просторечная лексика и фразеология: *свинья, мошенник, зарежет, прозакладую* и другие, свидетельствующие о злобности героя, его ненависти к окружающим: *Я их знаю всех: это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы* [10, с. 416–417]; *И лицо разбойничье! – сказал Собакевич. – Дайте ему только нож да выпустите на большую дорогу – зарежет, за копейку зарежет! Он да еще вице-губернатор – это Гога и Магога!* [10, с. 416].

Собакевич – антипод Манилова. Если для речи Манилова характерны слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, то для речи Собакевича – слова с увеличительным формантом -ищ-: *силища, машинища, в плечищах*. При этом очень непривычно слышать от Собакевича обращение с уменьшительным суффиксом, адресованное его жене, – *душенька*.

Собакевич всегда чем-то или кем-то не доволен. Его синтаксическая психоглосса очень экспрессивная, эмоциональная. Приведем пример, где Собакевич выражает недовольство французскими докторами: *Это все выдумали доктора немцы да французы, я бы их перевешал за это! Выдумали диету, лечить голодом? Что у них немецкая жидкостная натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят!* [10, с. 418]. Синтакси-

ческий строй речи героя полностью соответствует разговорному стилю. Фразы Собакевича пестрят грубыми, жесткими сравнениями: *машинища такая, что в эту комнату не войдет, а в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади; у вас душа человеческая все равно что пареная репа*.

Одной из самых ярких фигур в поэме является Плюшкин, в котором краски сгущены до предела. По словам Ю.М. Лотмана, «Собакевич, Коробочка “съеживаются”, и это съеживание пространства переходит в Плюшкине в “прореху” – пустоту» [12, с. 288]. По мнению ученых, «кажется, и Манилов, и Собакевич, и Ноздрев, и Коробочка уже родились такими, какими их застаёт действие поэмы» [4, с. 279]. И лишь в главе, посвященной Плюшкину, находим биографию героя. Читатель узнает, что он таким не был изначально, «в глазах был виден ум», «опытностью и познанием света была проникнута речь его» [10, с. 433], но «одинокая жизнь дала сытную жизнь скупости» [10, с. 433]. «Ядро образа сложится потом» [5, с. 279].

Как человек он настолько деградировал, что абсолютно стерты гендерные различия, Чичиков при первой встрече даже не понял, кто перед ним (прием постепенного узнавания) – мужчина или женщина, ключник или ключница. Бесовское в Плюшкине проявлено в высшей мере, «покупщики» сказали, что «это бес, а не человек» [10, с. 433]. Плюшкин полностью выходит за границы человеческого, поэтому не говорит, а бормочет, не сквозь зубы, а сквозь губы, раздражение, ворчание, жалобы, грубость, неприветливость переходят в маниакальную подозрительность и ненависть к окружающим, его мрачность – знак принадлежности к миру мертвых: *На это Плюшкин что-то пробормотал сквозь губы, ибо зубов не было, что именно неизвестно, но, вероятно, смысл был таков: «А побрал бы тебя черт с твоим почтением!»* [10, с. 436]. Фонетико-интонационная психоглосса вскрывает внутреннюю убогость героя: перед читателем не живое, а деревянное лицо, которое лишь однажды приобретает человеческие черты: *И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег* [10, с. 440]. Глаза у Плюшкина постоянно бегают, он напоминает мышшь. Деньги, богатство, накопительство – смысл жизни Плюшкина, глагол «ожидовел» очень точно характеризует героя, от предвкушения

получения прибыли его руки даже задрожали, как ртуть: *А сколько бы вы дали? – спросил Плюшкин и сам ожидовел: руки его задрожали, как ртуть* [10, с. 442]. В синтаксической психоглоссе Плюшкина также находит место апеллатив *батюшка*, однако это обращение получает совершенно иное значение: с помощью данной лексемы гоголевский герой хочет показать собеседнику, что он раб божий, бедный старик, не имеющий ни гроша за душой. Ряды просторечных выражений, назидательные высказывания, лаконизм синтаксических конструкций составляют ядро синтаксической психоглоссы.

Таким образом, исследование психоглосс дает возможность выявить специфику языковой личности и отразить особенности ее языкового сознания. Анализ различных типов психоглосс на материале речи и речевого поведения помещиков обнажил ту пошлость, омертвление, духовное вырождение, которые в различной степени свойственны гоголевским героям. «Уродство» души скрывается за лживыми речами Манилова, сердобольная расторопность Коробочки вскрывает примитивизм мышления человека, вранье и беспринципная наглость обнажаются в натуре Ноздрева, кулачество становится смыслом жизни Собакевича, полная деградация постигает личность Плюшкина. Характеристика фонетико-интонационных психоглосс дает представление об основополагающей черте персонажей, которую Ю.В. Манн обозначил как «стертость», безликость. Живые души помещиков оказываются мертвыми так же, как и духовное начало полностью подменяется пошлым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
2. Белинский, В.Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. – М., 1953–1959. – Т. 6. – С. 219–220.
3. Аксаков, К.С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождение Чичикова, или Мертвые души / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков // Литературная критика. – М.: Современник, 1981. – С. 147–148.
4. Переверзев, В.Ф. Творчество Гоголя / В.Ф. Переверзев // Гоголь. Достоевский. Исследования. – М.: Советский писатель, 1982. – С. 40–187.
5. Манн, Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. Манн. – М.: «Coda», 1996. – 474 с.
6. Машинский, С. «Мертвые души» Н.В. Гоголя / С. Машинский. – М.: Худ. литература, 1978. – 117 с.
7. Зеньковский, В.Н.В. Гоголь / В. Зеньковский. – СПб.: Изд-во «Logos», 1994. – 344 с.
8. Щерблякин, И.П. Об одной распространенной ошибке в толковании поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» / И.П. Щерблякин // Литература в школе. – 2004. – № 4. – С. 6.

9. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Худ. литература, 1959. – 655 с.
10. Гоголь, Н.В. Избранные сочинения / Н.В. Гоголь. – М.: Худ. литература, 1987. – 703 с.
11. Холобаева, Д.П. Стиль Н.В. Гоголя: семантика плеоназов и мнимых тавтологий / Д.П. Холобаева // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. РАН ИНИОН; Центр гуманист. науч.-информ. исслед. отд. языкознания; редкол.: Е.С. Кубрякова [и др.]. – М., 2008. – С. 77–85.
12. Лотман, Ю.В. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: кн. для учителя / Ю.В. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.

SUMMARY

The research was made on the material of the poem «Dead Souls» by N. Gogol. The results of this analysis revealed that the characteristic of a language personality through the psychogloss prism allowed to show the matters of an artistic image, to comprehend a place of the character in the system of all other artistic images, to create one of the possible variants of «an art model of the person». The reconstruction of the individual image due to the language reflected in various types of psychoglosses, helps to reflect individual and social things in character's language and reveal a kernel of his character.

Поступила в редакцию 17.11.2011 г.

УДК 81'255.2:[811.161.1+811.161.3+811.162.1]

А.С. Русских, кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания БГПУ

ПЕРЕВОД СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ С РУССКОГО НА БЕЛОРУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА)

Интерпретация стилистически окрашенной лексики при переводе художественного произведения – одна из наиболее сложных задач для переводчика, поскольку поиски коррелята для лексемы оригинала усложняются наличием в ней не только денотативного, но и коннотативного стилистического значения. По замечанию В.В. Виноградова, «в структуре художественного произведения – в зависимости от его идейного содержания, от сферы изображаемой действительности и творческого метода автора – могут сочетаться, сталкиваться и вступать во взаимодействие очень разнообразные стили литературного языка и народно-разговорной речи» [1, с. 200]. Задача переводчика – адекватно воспроизвести в рамках переводного текста используемые автором стилистически маркированные языковые единицы.

Особую актуальность в настоящее время приобретает исследование возможностей перевода стилистически маркированной лексики на близкородственные языки: несмотря на генетическую близость славянских языков, их лексико-фразеологический состав может значительно разниться. Различия касаются не только лексической наполненности трех стилей, но и эмоционально-экспрессивной окраски тождественных по денотату межъязыковых словарных эквивалентов.

В качестве объекта исследования были отобраны стилистически маркированные лек-

сические единицы, входящие в состав юмористических рассказов А.П. Чехова «Налим», «Дочь Альбиона», «Смерть чиновника», «Лошадина фамилия», и их корреляты в текстах переводов на белорусский (К.К. Атрахович) и польский (J. Bissinger) языки.

Жанр короткого рассказа предполагает особое отношение к тексту: невозможность развернутого описания требует максимальной информативной отдачи от каждого слова. Поэтому в рассказах Чехова каждое слово – единственно возможное. Одним из основных приемов создания комического в анализируемых произведениях является прием стилистического смещения, который заключается в перемещении лексем одного стиля речи в другой. Комизм в данном случае создается за счет нарушения стилистического строя повествования и употребления в речи героев лексических единиц с неожиданной стилистической маркированностью.

Чаще всего прием стилистического смещения проявляется в использовании литературно-книжной лексики при описании событий подчеркнуто бытового характера. Например: *Горбатый Любим захлебывается, и воздух оглашается резким, судорожным кашлем* («Налим»), *Мисс Тфайс хладнокровно переменила червячка, зевнула и закинула удочку* («Дочь Альбиона»), *Червяков сконфузился, глупо улыбнулся, и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чув-*